

Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Засосенская средняя общеобразовательная школа
имени Героя Советского Союза Н.Л. Яценко»

Освобождение Засосны от немецко - фашистских оккупантов

Секция «историческое наследие»

Выполнила:

Литвинова Анна

ученица 9б класса

Научный руководитель:

Костенко З. Н.

учитель истории

Закончив ликвидацию окруженных вражеских войск северо-восточнее Россоши, части восемнадцатого отдельного стрелкового корпуса и третьей танковой армии, привлеченной к этой операции, переключились на Острогожско-Алексеевскую группировку гитлеровцев, стали теснить их. Попытки вырваться из окружения мелкими группами в обход главных дорог не принесли успеха, и тогда гитлеровское командование пошло, пожалуй, на последний шаг. Сколотив крупную группировку пехоты, танков и артиллерии, оно бросило ее напролом по единственному и кратчайшему пути на Новый Оскол через Алексеевку, Красногвардейское. Вечером 22 января 1943 года в Алексеевке завязался ожесточенный бой. В это время передовые батальоны нашей дивизии получили приказ двигаться на запад.

Второй батальон нашего 146 полка, усиленной ротой автоматчиков, минометной и артиллерийскими батареями, выступил в направлении станции Бирюч. Часа два сквозь ночную тьму до нас доносились отзвуки боя. Что происходило в Алексеевке, мы не знали.

Наше появление на станции Бирюч было неожиданным, и враг не оказал сопротивления. После тринадцатикилометрового перехода по бездорожью не мешало бы и отдохнуть. Но этим намерениям не суждено было осуществиться.

Командир батальона гвардии старший лейтенант Калинин срочно вызвал к себе командиров рот и приданных подразделений, объявил:

- Получен приказ освободить село Буденное (ныне Красногвардейское, так и будем называть его далее) и удерживать его до похода основных сил полка. К сожалению, карты этого района у нас нет, но местные жители говорят, что это в пятнадцати километрах севернее Бирюча. Через этот населенный пункт проходит дорога из Алексеевки на Новый Оскол. Понимаете, что это значит?

Перед рассветом снегопад прекратился. Тишина. Только и слышны тяжелое дыхание людей, похрапывание лошадей, беззлобная брань очнувшегося на ходу от сна какого-нибудь бойца. Наконец, по колонне приглушенными голосами передали команду:

- Оружие к бою!

Бойцы мгновенно преобразились в тревожной готовности к схватке с врагом. Боевое охранение уже втянулось в село Засосну и скрылось за домами. Вслед за ним двигалась и колонна. Роты развернулись в цепи и с трех направлений повели наступление на Красногвардейское.

Тем временем наша батарея проскочила вдоль Засосны и на перекрестке двух улиц остановилась. Ее командир гвардии лейтенант Магдыч, окинув взглядом местность, повернувшись к гвардии лейтенанту Быхало, приказал:

- Огневую позицию занять в этом саду! Основное направление стрельбы -

56-00. Готовность через пятнадцать минут.

Все пришло в движение. Минометчики знали свое дело и выполняли его без суеты, деловито, споро.

- Жилина ко мне! - крикнул комбат. - Взвод управления разместить в этом доме. Немедленно дать связь на КП командира батальона.

Лучшего места для наблюдательного пункта батареи в данной обстановке, пожалуй, трудно было найти. Дом жителя В.Б. Тищенко стоял в глубине двора, обнесенного высоким забором и крепкими воротами. Часть улицы закрывала одна сторона длинного сарая, покрытого соломой. Позади дома - большой фруктовый сад, где и заняла огневую позицию батарея. Люди разместились в ближайших хатах.

На долю связиста Гаврила Семеновича выпала задача дать связь на КП и дежурить там у аппарата. Ветеринарный фельдшер А.Т. Юзвенко отправился на поиски фуража для лошадей. Спасибо, жители делились с нами, чем могли, выручали из тяжелого положения.

Алексеев и Амелькин уже принесли термос с макаронами и фляжки с чаем. О завтраке еще во время движения позаботились подчиненные расторопного старшины Банадыкова.

Сердито сплюнув себе под ноги, Семенов взял катушку кабеля, и молча направился выполнять приказание. Следом побежал и старшина гвардии Жилин, крикнув на ходу:

- Устраивайся пока здесь. Я скоро вернусь.

Харитонов, наш ездовой, хлопотал возле пары лошадей. Во взводе его любовно называли папашей не только за почетный возраст. В неторопливых, расчетливых движениях этого коренастого, круглолицего и рыжеусого солдата таилась какая-то притягательная сила. Бывший коновод и пулеметчик легендарных буденновских войск, он не любил рассказывать о себе, но мог часами говорить о других, и особенно о личном знакомстве с Буденным и Ворошиловым, из рук которых получил именные часы за верную службу молодой Советской республике.

- Умыться бы не мешало, - сказал Харитонов, направляясь к дому.

В прихожей бойцы чистили оружие. Только Куркин, отложив карабин в сторону, нетерпеливо поглядывал на термос. На стуле у стола сидел сухощавый, заросший густой щетиной мужчина. В дверях, ведущих на другую половину дома, стояла женщина с ребенком на руках, рядом с ней - мальчик лет десяти. Внезапно наступившая свобода казалась им сном. Все это запечатлелось в моем сознании с первого взгляда. Поздоровавшись, я тоже занялся своим автоматом.

- Водички бы, Владимир Борисович. - попросил старший сержант Чернышев.

Хозяин, точно очнувшись, вскочил:

- Извините, хлопцы! Я сейчас, мигом... Петрусь, оденься, принеси дров.

Надо же и печь растопить - на секунду остановился, голос его дрогнул: - Долгожданный день принесли вы. Даже не верится!..

Всхлипнула женщина, по ее лицу потекли слезы.

Переглянувшись, мы дружно встали, чтобы помочь старикам по хозяйству.

Вдруг настороженную утреннюю тишину разорвали автоматные очереди, крики «ура». И вскоре все стихло.

Взобравшись на крышу сарая, я увидел, что наши уже в Красногвардейском.

Справа, близ Засосны, - мельница. Возле нее занимали позиции наши артиллеристы. Влево, на Запад, открывалась пойма реки и бескрайние снежные просторы. В бинокль были видны снежные насыпи, меж которых к

Красногвардейскому вели четыре дороги. Они были в тот час пустынно. Лишь на север двигалась цепочка - человек двадцать наших автоматчиков, одетых в белые маскхалаты, из них женщин было трое - Зоя Максимова, Аня Гордеева и Маша Тараканова. Кому же из них довелось, совершив этот труднейший сорокакилометровый марш, без отдыха снова двинуться в путь на Верхососну?..

- Смирнов, что видишь? - неторопливо спрашивают бойцы.

- Наши заняли Красногвардейское, - отвечаю и внимательно всматриваюсь в происходящее там.

Возле двухэтажного дома оживление. Вражеские солдаты прямо на дорогу бросают оружие.

- Спускаюсь вниз. Теперь можно, наконец, и позавтракать.

Хозяин поставил на стол моченые яблоки, большую миску квашеной капусты, каравай хлеба, смущенно промолвил:

- Ради такого дня и по рюмочке надо бы. У меня глечик сохранился. Как, товарищ командир?..

...Неожиданно с улицы донеслись отрывистые голоса. Появился ординарец комбата Алексей Парамонов:

- Тревога! - выпалил он.

Каждый занимал свое привычное место. Для меня же, разведчика-наблюдателя, правила другие - искать и видеть противника в заданном секторе. А сейчас - ни переднего края, ни тыла, ни флангов.

Едва взобрался на крышу, как тишину раннего утра нарушил артиллерийский выстрел. Было хорошо видно, как в огненном вихре металась вражеские солдаты и офицеры. Буквально за несколько минут голова колонны превратилась в настил из трупов врагов.

Наступило затишье, но артиллеристы и расчеты нашей минометной батареи оставались на своих местах. Было ясно, что гитлеровцы не откажутся от попыток прорваться. Путей для маневрирования у них не было - кругом глубокий снег. Видимо, пробравшись через Алексеевку, они не рассчитывали на встречу с нами и теперь лихорадочно перегруппировывают силы для еще одного отчаянного удара.

Ждать пришлось недолго. Из низины по району мельницы, где

располагались огневые позиции наших артиллерийских батарей, ударили вражеские минометы. На высоту выскочили четыре танка. Два других двинулись по дороге в Красногвардейское. Следом нескончаемым потоком ползли пехота, повозки, автомашины, артиллерия.

Султаны взрывов взметались на позициях наших батарей, все ближе и ближе немецкие танки, а орудия молчат. Неужели кончились снаряды! Но в это время до слуха доносится звонкий голос лейтенанта Быхало:

- Батарея, по местам!

Пристрелочный выстрел был перелетным. Второй - на редкость точным.

Затем последовал мощный залп

От восторга кричу с крыши:

- Молодцы, хлопцы!

Две повозки, одна машина с орудием на прицепе, десятки солдат, скошенные огнем батареи, закупорили движение колонны. Но замешательство было недолгим. Словно очумелые, гитлеровцы, не обращая внимания на потери, напирали сзади, ползли, бежали, обгоняя друг друга, и частью уже достигли окраины Красногвардейского. Поредевшие роты батальона открыли по ним огонь.

Тем временем фашистские танки медленно, не открывая огня, приближались к позициям артиллеристов. За ними укрывалось около роты автоматчиков.

Высота разделяла обе стороны и ни те, ни другие не могли стрелять.

Неожиданно со стороны Засосны выскочили три упряжки и галопом помчались к батарее старшего лейтенанта Яроша. Прицепленные к ним орудия снялись с позиции.

С каждой минутой, словно на экране, меняется обстановка, нарастает напряжение. Бой идет уже в селе. А лавина фашистов все ползет и ползет, и кажется, что не будет ей конца.

Артиллеристы батареи Яроша на руках выкатывают оставшееся на позиции оружие на гребень высоты правее мельницы. Туда же несут четыре ящика - весь остаток снарядов. У орудия остается четверо, другие занимают позиции как стрелки. Несколькими минутами раньше левее мельницы залегала батарея Зверева, оставив у орудия лишь один расчет. Остальным

делать нечего - нет снарядов.

Вижу, как из Красногвардейского к Засосне начинают отходить небольшими группами и в одиночку наши стрелки. Открыли огонь из личного оружия артиллеристы. По первому танку ударило орудие батареи Зверева. У панорамы стоит сам младший лейтенант Авраменко. Два снаряда попадают в лобовую броню, но стальное чудовище продолжает ползти.

В это время оружие старшего сержанта П. Кравца заставило молчать вражескую минометную батарею. Вслед за этим замер, наконец, и фашистский танк. Распластавшаяся слева от него гусеница говорила о том, что Авраменко уловил, наконец, уязвимую точку.

Немецкие танки почему-то не стреляют. Вероятно, тоже нет снарядов. Но ревом моторов, лязгом гусениц нагоняют страх. Даже со стороны невозможно без тревоги в сердце смотреть на них, готовых подмять под себя распластавшихся на снегу людей.

Голова вражеской колонны уже втянулась в Красногвардейское, а с востока все прибывали их войска.

Возле школы в Красногвардейском оживление. Видно, немцы эвакуируют госпиталь.

Наши минометы уже не стреляют залпами, а лишь время от времени посылают на головы гитлеровцев одиночные мины. Теперь на западной окраине Красногвардейского возникла пробка. Только двинутся фашисты - а тут взрыв. Конечно, такое положение не устраивало врага. Что же он предпримет?

Томительное ожидание, тревога. А что с теми двадцатью бойцами, которые в этот час достигли Верхососны? Как позже выяснилось, там тоже разыгрались драматические события.

Тем ранним утром жители этого села, кто с пилой, кто с топором или лопатой шли к обычному месту сбора - двухэтажному зданию школы, где обосновалась комендатура оккупантов, и с затаенной надеждой прислушивались к каждому постороннему звуку, украдкой поглядывая на восток, в сторону Алексеевки, откуда с вечера доносилась приглушенная расстоянием канонада.

В поведении «хозяев» чувствовалась нервозность, суета. По времени надо было уже шагать под конвоем полицаев на кордон Майдан, к пилораме,

на расчистку дороги. Но гитлеровцы и их приспешники почему-то сегодня не спешат. Наконец, они вырвались из школы, направились к ожидавшей толпе.

...Командир группы автоматчиков гвардии старшина П. В. Беседин еще издали заметил скопление людей.

- Товарищ Железный, - обратился он к младшему сержанту, - вы со своим отделением двигайтесь к школе через село. Я с остальными бойцами пойду в обход. Ударим вместе.

Треск автоматов, появление бойцов в белых маскхалатах были настолько неожиданными, что гитлеровцы растерялись, точно оцепенели и сельчане.

- Расходитесь! - крикнул им Железный и в тот же миг упал, сраженный пулей. Со второго этажа школы застрочил пулемет, захлопали винтовочные выстрелы.

Жаркий бой длился не более десяти минут. Враг был выбит из здания. Но главное испытание ждало автоматчиков впереди.

Опросив бойцов о наличии боеприпасов, Беседин разрешил отдыхать. И те, отказавшись от пищи, повалились там, где стояли, тут же забылись о крепком сне.

Тишину резанул тревожный голос:

-Немцы!

Не соблюдая порядка, разношерстной толпой гитлеровцы тучей напозлали на Верхососну. Бойцы с напряженным вниманием следили за ними, ожидая решения командира.

О чем были мысли гвардии старшины Беседина? Отступать некуда, да и нельзя. С двумя десятками бойцов и ограниченным количеством боеприпасов нечего и думать сдерживать эту лавину войск. Но задержать их хотя бы на час, нанести урон можно.

- Товарищи гвардейцы! - сказал он тихо. - Видите, какая сила уползает на Новый Оскол? Так, имеем ли мы право, дать им ускользнуть от возмездия?

Обвел взглядом боевых товарищей, прочел в их глазах суровую решимость стоять насмерть.

- Володя! - обратился старшина к рядовому Чернову. - Бери восемь человек и занимай оборону слева от дороги. Ты, Калдин, заляжешь с

ребятами справа. Демидович, Савельев, Селиков и Тараканова остаются здесь. Сигналом открыть огонь будет моя очередь из пулемета.

Словно, огромная гадюка, извиваясь, колонна приближалась к окраине села. Уже видны закутанные, во что попало лица солдат, офицеров, сидевших в санях, орудийные упряжки. Еще минута - другая и они достигнут строений, могут укрыться за ними.

- Ишь, как спешат гады. Даже разведки и охраны не выставили, - сказал Беседин и длинной очередью прошелся по ним из трофейного пулемета. Тут же ударили автоматные очереди наших бойцов.

Гитлеровцы заметались, образовалась свалка. Пули гвардейцев беспощадно валили их с ног.

Опомнившись, фашисты, развернув до батальона пехоты, с двух сторон начали наступать на село. С каждой минутой сдерживать их натиск становилось труднее. Патроны были на исходе, да и ряды смельчаков редели. Замертво упал В.Т. Силиков, смолкло три или четыре автомата в группах Чернова и Калдина. Что с ребятами, убиты или ранены?

- Товарищ гвардии старшина, - заторопилась Маша Тараканова, - я к ним.

- Жми, только осторожней. Немцы близко.

Маша оказывала помощь тяжелораненым, затаскивала их в дома, просила укрыть от гитлеровцев.

Пуля пронзила грудь В.В. Чернова. Выбиваясь из сил, Маша тянула теряющего сознание бойца по глубокому снегу, не обращая внимания на то, что фашисты уже шастают по домам, хватая теплую одежду, расстреливая подозрительных, а так же с таким трудом спасенных раненых. И вдруг автоматная очередь прошила ее тело.

Оставшиеся в живых восемь бойцов Беседина, израсходовав патроны, взяли за трофейное оружие, заняли круговую оборону. Снова и снова фашисты кидались на «крепость» в школе и откатывались назад. И только когда пали смертью храбрых старшина гвардии П.В. Беседин, рядовые гвардии С.А. Домидович и И.А. Савельев, когда кончились патроны у остальных раненых воинов, фашисты почувствовали временное облегчение.

... С тех пор прошло четыре десятилетия. Спят вечным сном в братской могиле посреди села воины, отдавшие свою жизнь за Родину. И сколько

таких могил близ реки с романтическим названием Тихая Сосна, что течет через Красногвардейское, Алексеевку, Острогужск!...

В те морозные январские дни 1943 года, покрытая льдом, она не являлась для нас преградой, и слышали мы о ней лишь, как о тактическом рубеже. На всем ее протяжении скованные морозом берега были ареной ожесточенных боев, как те, близ Красногвардейского, о которых и продолжим рассказ.

Фашисты снова начали наступление на Засосну со стороны Красногвардейского, а так же западнее. С напирющими гитлеровцами с востока сражались артиллеристы.

Врагу удалось потеснить бойцов Зверева, но те, бросаясь в рукопашные схватки, четырежды отбивали свои орудия. Смертью храбрых погиб младший лейтенант гвардии Н.Ф. Авраменко, командир орудия гвардии старший сержант А.Ф. Вавилов. наводчик Татаренко, заряжающий Черепов. Рядом с исковерканными орудиями в впережку замертво лежали наши бойцы и враги.

Оставшиеся в живых артиллеристы, преследуемые фашистским танком, отошли к окраине Засосны. И вдруг на встречу ему поднялся человек в белом полушубке с непокрытой головой. Это заместитель командира батареи по политчасти гвардии старший лейтенант Мукосеев ценой своей жизни остановил стальное чудовище.

...перевалило за полдень. Обстановка резко обострилась. Связь с командиром батальона прервалась. Теперь боеспособной единственной единицей в Засосне осталась наша минометная батарея. В доме, где остановился ее командир В.Л. Магдыч, и состоялся наш «военный совет». Вносились предложения отойти к станции Бирюч. Но там, в открытом поле, орудия легко можно было потерять. Поэтому решили организовать круговую оборону.

Наш взвод управления занял рубеж во дворе дома В.Б. Тищенко. Вдоль улицы, примыкавшей к Тихой Сосне, приближались фашисты. Позади и правее нас уже вступили в перестрелку взводы лейтенантов Масленникова и Кравченко.

Напряжение нарастает. Оглядываюсь назад, но что происходит по ту сторону дома - не видно, хотя по звукам участвовавшей стрельбы ясно: там

жарко. Пули впиваются в забор, отрывают от досок щепки.

Мои товарищи Нежданов, Алексеев, Куксин, Куркин. Харитонов и Амелькин расположились вдоль забора, напряженно ждут, сжимая карабины. Похоже, что немцы не ожидают с этой стороны отпора и продвигаются без перебежек.

Команда открыть огонь, прозвучавшая с той стороны сарая, где расположились старшина Жилин с Чернышевым, поварами и ездовами, заставила сосредоточить все внимание на мишенях в белых маскхалатах. Захлопали кабины, даю первую очередь из своего автомата.

Десятка два фашистов навсегда застыли перед нашими позициями, но бой продолжает разгораться. Гитлеровцы подбираются все ближе, пытаются забросать нас гранатами. Наступает самый решительный момент.

- Бей их, хлопцы, - звучит голос появившегося лейтенанта гвардии

Быхало.

- Кулиш, обращается он к прибежавшему с ним солдату. - Помоги раненому Малахину добраться до подвала. Да и Яшу Рудого туда же.

На какое-то мгновение лейтенант гвардии исчезает. Неожиданно сверху падает большой ком снега, засыпает меня и автомат. Забегаю в сарай. Там, забравшись на сено и пробив в соломенной крыше отверстие, бьет по врагу лейтенант Быхало, громко ведя подсчет:

- .. Шестнадцатый, семнадцатый...

Так вот откуда снег!

Заправив диск автомата патронами, спешу во двор.

Позади, за домом, заработал станковый пулемет. Вдруг вижу перед собой четырех немцев, бью по ним длинной очередью.

- Побежали, гады! - торжествует лейтенант Быхало.

Ему сверху виднее, а я пока не замечаю этого, хотя стрельба поредела. И вдруг обратил внимание, что несколько гитлеровцев кинулись к реке. Вслед им гремели выстрелы с левого фланга.

Спустились сумерки. Заступили на посты часовые и патрули. Вышел в наряд и я. Но тут срочно вызвали к командиру батареи. Недоумевая, зачем я ему понадобился, поспешил к беленькой хатке, шагнул в горницу. При слабом свете керосиновой лампы без стекла лица присутствующих казались сероватыми.

- Начнем товарищи, - поднимаясь со стула, лейтенант Магдыч. – Положение тяжелое. Большие потери в людях. Не хватает боеприпасов, ни с кем нет связи.

Прежде, чем принять решение, хотелось бы выслушать ваши предложения.

Первым взял слово лейтенант Быхало:

- Мое предложение - стоять здесь. В полку знают, где мы находимся, помогут.

- А если снова навалятся немцы, чем будем отбиваться? - заговорил командир огневого взвода Кравченко.

- Соберем оружие убитых фрицев и встретим, если сунутся, - настаивал тот.

Командир батареи подошел к окну, прислушался к ночным шорохам. О чем он думал? О гибели батальона, артбатареи. О том, что врагу удалось прорваться через Красногвардейское, и он безнаказанно уползает в ночной темноте?

Заговорил старший лейтенант Шаталов:

- Уходить? Куда? Зачем?

Его слова прервал стук в дверь. Ординарец командира батальона доложил:

- Со стороны Красногвардейского слышен сильный шум, можно различить и русские слова.

Что бы это значило? Выяснить это и было поручено Быхало и мне.

Вышли к мостику, что в десятках шагов от дома Тищенко, осторожно пробираемся по дну овражка, который ведет к Тихой Сосне, затем по ее берегу, свернув направо приблизились к мосту, домам, дороге. Обостренный слух улавливает различные звуки, в том числе и брань на русском языке. Сердце тревожно забилося, но голос разума приказывает не спешить.

Внезапно из Красногвардейского донеслись душераздирающие крики женщин, детей, иностранная речь. Отползая, мы уже не сомневались, что здесь полно врагов всех мастей - немцев, итальянцев, полицаев.

... Вдруг рванул залп четырех наших 120-миллиметровых минометов. Пудовые гири взорвались возле реки, у моста, на пристреленной дороге.

Не каждый в батарее знал, что накануне командир приказал на всякий случай зарядить минометы и оставить их в положении «спуск», подготовив к

тому, чтобы взорвать. Оставалось лишь бросить в стволы по паре пригоршней снега и потянуть за шнур. Но до этого дело не дошло и теперь осколки этих мин разметали десятки гитлеровских вояк, в панике разбегались уцелевшие.

Мы и не предполагали в тот миг, что этот залп вечеров 23 января будет последним, победным салютом, возвещающим жителям Красногвардейского и его окрестностей об окончании черных дней оккупации.

А мы уходили. Заняли свои места в походной колонне и снятые с огневых позиций минометы. Гвардии лейтенант Быхало, старшина Жилин и я в дозоре и передовом охранении. Чуть позади Чернышев со своим отделением связистов и провожатым - местным партизаном. Дистанция между повозками двадцать метров, а в промежутках с оружием наготове шагают огневики.

Позади остались последние дома Засосна. Поднялись на высоту, где стояли на смерть наши артиллеристы, стрелки, пэтээровцы. На душе муторно. Где наши, где полк?

Вдруг впереди замаячили черные точки, обозначилась движущаяся колонна.

Неужели опять встречный бой?!

... Нелегко было на душе нашего командира полка майора Собко. Он понимал, что расплывать силы в подобной обстановке чревато тяжелыми последствиями. Находясь на правом фланге дивизии, полк уже несколько дней не имел связи с соседом и действовал с открытым флангом. Получив приказ перекрыть дорогу врагу на Новый Оскол и Валуйки через Красногвардейское, майор, не теряя времени, отправил второй батальон и все, что имел под руками - в авангард. А затем, по выходу из боя других подразделений, тремя часами позже двинул и основные силы.

На рассвете, когда батальон лейтенанта Калинина вел бой за Красногвардейское, основные силы полка пошли к станции Бирюч и натолкнулись на сильное сопротивление противника, выбросившего сильный заслон со стороны Валук.

Вырвавшись далеко вперед и наступая на широком фронте - более 30 километров, такое же яростное сопротивление встретили 138 и 143 стрелковые полки дивизии в Ливенке и Никитовке.

Оценив обстановку, майор Собко понял, что с ходу взять Бирюч

невозможно. Было принято решение обойти станцию и ударить по врагу со стороны Валуек. Первой на юг двинулась разведка.

Как и предполагал майор Собко, немцы не выдержали стремительного удара и сложили оружие. Не задерживаясь, полк двинулся к Красногвардейскому. Так и встретил он минометчиков 146 полка.

... Утренний рассвет 24 января. Меня разбудил старшина Жилин:

- Поедем в Красногвардейское.

На дороге, сидя в санях, нас уже ожидали старшие сержанты Хорошавин и мой земляк Павел Бойцов. Увидев в санях пулемет, про себя подумал: «Видимо, что-то серьезное».

За ночь заметно похолодало. Прихваченный морозом снег гроздьями висел на ветках деревьев, скрипел под полозьями. По полю вчерашнего боя ходили наши солдаты, подбирали убитых и оружие. На высоте у мельницы, где стояла батарея Зверева, разместились орудия дивизиона капитана Авдеева.

Лошадь с ходу преодолела небольшой подъем и вынесла нас на площадь Красногвардейского.

Подъехали к школе. Здесь особенно виднелись следы поспешного бегства оккупантов. В помещении тяжелый запах, люди в белых повязках. Неподвижные, точно застывшие. Лишь один в белом халате, сидевший возле раненых, поднял глаза, заговорил по-русски.

— Будьте милосердны. Мы итальянцы. Что нас ждет?.. Немцы нас бросили и сказали, что вы не пощадите. Это правда?..

Пришлось его успокоить. Выяснилось, что у врача совершенно нет медикаментов. Снабдили ими, а также теплыми одеялами.

Напуганные событиями последних суток, жители села, прятавшиеся по погребам, не зная, что еще в полночь наш полк перекрыл все подступы к Красногвардейскому, настороженно покидали свои убежища, выходили на улицы. Увидев нас, бросались с объятиями, поцелуями.

Вдруг одна из женщин всплеснула руками, воскликнув: «А ведь там, в сарае, немцы заперли много наших. Что с ними сделали эти звери!?»

...Кирпичное помещение, которое женщина назвала сараем. Металлическая дверь заперта на засов и закручена проволокой. Справа и слева от двери тянулись провода - бикфордов шнур к противотанковым

минам без взрывателей и ящику с брикетами тола.

двести пятьдесят женщин, стариков, детей согнали фашисты, намереваясь совершить над ними жестокую расправу, да не успели, не до этого им было, торопились спасти свои шкуры.

За дни нашего наступления мне довелось быть свидетелем многих встреч с жителями освобожденных городов и сел. Но эта была наиболее волнующая.

В ночь на 25 января мы покидали Красногвардейское, Засосну, унося в своих сердцах память о погибших однополчанах. Шли в сторону Валоек навстречу новым испытаниям.

Список литературы

1. Бережной А.С. Частица России, Ракитное., 1992
2. Вчера, сегодня и завтра Красногвардейского района Белгородской области
3. Смирнов П.И. Бой на рассвете. -// Знамя труда 1983г. январь//
4. Боровиковская К.Г. Воспоминания о Великой Отечественной войне. 1988 г. //Школьный музей//